

Зимняя Ведьма

Элейн Каннингем Глава одиннадцатая: Следы на морозе

Элласиф проснулась от специфического запаха соснового сока и гниющих трупов. Еще не открыв глаза, она узнала сладковатую вонь Ада.

Голова болела еще сильнее, чем в ту ночь, когда она отпраздновала свой первый рейд, выпив столько медовухи, чтобы утопить всех убитых ею гоблинов. Она облизала потрескавшиеся губы, но язык был сухим и распухшим. Тошнота сводила впалый живот, и ей казалось, что она не ела и не пила несколько дней.

Жесткие деревянные кандалы обхватили ее запястья и лодыжки, приковав к стене из деревьев, выросших так близко друг к другу, что они образовывали круглую стену огромного дома. Сквозь щели между стволами ветер насвистывал зловещую мелодию.

Над ней деревья склонялись к центральному отверстию дымохода, их щетинистые ветви были похожи на бороды древних старцев, склонивших головы друг к другу для шепота. Через отверстие Элласиф увидела звезды на ясном небе, а по серебристым ветвям поняла, что взошла луна.

Прохладный ветер шевелил длинные веревки, свисавшие с верхних сучьев. Каждая веревка была сплетена из человеческих волос, большинство из которых были рыжими, светлыми и коричневыми, как у воинов Ульфена. Через каждые пять или шесть дюймов в веревки были вплетены кости и целые скальпы, а у основания каждой веревки висел череп, наполненный монетами. Золото сверкало в глазницах и звенело на ветру.

Под дымоходом в яме, окаймленной почерневшими руническими камнями, потрескивал огонь. Пламя щекотало цепь из бугристых колбасок, каждое звено которой было размером с предплечье Элласифа. За ямой стоял стол, вырезанный из одного массивного соснового ствола. Свет от дюжины красных огарков свечей отбрасывал на стену жуткие тени. Элласиф узнала фрагменты отрубленных человеческих конечностей. Над краем стола торчала человеческая нога.

Элласиф отвернула лицо, чтобы не увидеть признаков, подтверждающих то, чего она боялась: что мертвый человек был ее знакомым, возможно, Камиллором или Декланом. Если караван был перебит после ее падения, это мог быть почти любой из мужчин. Нога была слишком мала, чтобы принадлежать Гисанто. Если в этом и была справедливость, то она принадлежала Ядреку.

Элласиф могла бы подумать, что смерть Ядрека - это облегчение по сравнению с гибелью одного из остальных, но она все равно испытывала отчаяние, представляя, что его постигла такая бесславная участь. Даже после того, что произошло между ними, Ядрек заслуживал большего. В пылу своей мести Элласиф иногда представляла, что именно она убьет его, но даже в самых жестоких фантазиях она даровала ему смерть воина.

Элласиф знала, что находится в доме Человекоядного Сзиго. Она уже видела его раньше, больше года назад, но тогда она подошла достаточно близко, чтобы заглянуть внутрь через отверстие, которое не могла разглядеть со своего нынешнего места. Возможно, никакого отверстия не было, пока колдун не пожелал его открыть. Элласиф искала другой способ спастись.

Вдоль стены из сосновых стволов висели шлемы, щиты, доспехи и оружие героев, пришедших

раньше, каждый из которых надеялся получить титул истребителя ведьм. Из сосен выросли деревянные пальцы, чтобы сжать каждый приз. Она узнала меч Смеющегося Эрика, человека, чьей безрассудной храбростью она восхищалась, когда была девочкой. Его летающий клинок пел заунывные песни для целой когорты гоблинов, десятков троллей и человеческих рабов, посланных колдуньями Иррисена пересечь границу и грабить своих сородичей в Землях Королей Линнорма. Однажды Эрик покинул Белого Грача, похваляясь, что вернется с головой Сзиго, колдуна из леса Грагнир. Теперь его зачарованное оружие было одним из трофеев колдуна.

Как и Элласиф.

Она жалела о том часе, когда покинула этот дом, не забрав голову его хозяина. Сзиго дал ей такую возможность. Его тролли были слишком далеко, чтобы спасти его, если бы она просто выхватила меч и перерезала ему горло, и Элласиф могла бы поспорить, что его хозяйка только посмеивалась бы, глядя на его смерть. Однако в тот день Элласиф пришла в рощу Сзиго не для того, чтобы убить колдуна. Она пришла туда, чтобы найти тело своей сестры.

Сколько бы она ни пыталась похоронить воспоминания об этих тщетных поисках, мысли об этом всегда вызывали ощущение сильных рук Ядрека на ее обнаженной коже, его теплое дыхание на ее плече. Она никогда не могла отделить плохие воспоминания от хороших, и каждый раз, когда она думала о судьбе Лив, Элласиф вспоминала тот день, более трех лет назад, когда они с Ядрексом наконец-то занялись любовью.

Они ушли из деревни в первый день весны. Никто не стал их преследовать, потому что все в Белом Граче знали, что они совершали долгий, медленный танец ухаживания, который когда-то считался невозможным, и каждый боялся первым сделать неверный шаг. И никто не видел, куда они пошли, кроме пары лисиц, все еще полузанесенных снегом в своих зимних шубах.

Ядрек привел ее к неглубокой пещере, из которой прошлой осенью воины деревни выгнали одно из чудовищных медвежьих существ. Чудовище вернулось, осмелившись даже приблизиться к деревне, не зная, что постоянные вторжения сил Иррисена превратили воинов Белого Грача в самых смертоносных защитников. Туша чудовища обеспечила пиршество на всю ночь, а свечи из его сала до сих пор освещали дома по ночам.

Когда Элласиф увидела, что Ядрек застелил пол пещеры свежей соломой, она поняла его намерения. Ему потребовались годы, чтобы одуматься и отказаться от Оленьки, которая, несмотря на свои длинные ноги и рыжие волосы, вряд ли подходила для самого сильного мужчины в деревне. Ядреку нужна была женщина, чье боевое сердце было бы равно его собственному. Или даже сильнее.

Большая часть ее романтического соперничества с Оленькой разгорелась в тренировочном круге, где Элласиф редко терпела поражение. Когда две самые искусные щитовые девы деревни сталкивались, Элласиф всегда замечала: "Я ниже тебя ростом. Поэтому я злее тебя". Чаще всего в ответ на свою шутку она стучала высокую рыжую по заднице и касалась ее подбородка острием меча. Оленька спокойно относилась к своим поражениям, лишь ближе к концу осознав, что и она проигрывает битву за сердце Ядрека. Она последней заметила, что когда Ядрек протянул руку, чтобы поднять ее с земли, его взгляд устремился на победительницу.

В конце концов Ядрек прервал свой роман с Оленькой, и через несколько дней он стал появляться как бы невзначай, когда Элласиф была на вахте. Иногда она заставляла его бредущим по лесу, где, как известно, она прогуливалась в одиночестве. Они шли вместе,

говорили о своих мечтах о славе, о планах вписать свои имена в легенду своей деревни.

Он пронес ее имя над своими губами, как это делают влюбленные, и она не возражала. "Сиф", - прошептал он в ложбинку на ее шее. Когда она не стала протестовать, он взял ее руку в свою и держал ее до тех пор, пока они не вернулись в деревню. Так продолжалось до тех пор, пока Элласиф не начала ощущать нетерпение неопределенности. Она была не прочь сделать первый шаг. Она достаточно часто делала это с другими мужчинами и мальчиками. Однако на этот раз она хотела почувствовать, что значит быть добычей, а не охотником.

Наконец-то, подумала она, когда они подошли к пещере. Наконец-то Ядрек набрался храбрости, чтобы сделать нечто большее, чем просто взять ее за руку или потрепать по шее при свете деревенских костров. Сегодня он будет преследовать ее до самой земли.

Ядрек приподнял ее подбородок, чтобы поцеловать в губы. Она чуть не улыбнулась, почувствовав вкус мяты, которую он жевал, чтобы подсластить дыхание, но потом отдалась наслаждению его объятий. Его соломенно-светлая борода была еще мягкой, как кроличья шкурка, и еще не настолько длинной, чтобы он мог заплетать ее, как это делали старшие мужчины. Она провела пальцами по его бороде и крепко сжала ее, овладев поцелуем. Каким бы большим он ни стал, каким бы храбрым ни показал себя в бою, Ядрек все равно вздрогнул от ее прикосновения. Его мальчишеская реакция вызвала в ее душе трепет.

Ни для кого из них это не было впервые, и оба знали это. Все шутки по поводу ироничного титула "дева щита" не имели значения, не среди сплоченной группы воинов Белоого Грача. Однако для Элласиф это был первый раз, когда физический союз казался неизбежным. Суждено, как пели скальды, сидя у очага и рассказывая истории о великой любви. Всем им было суждено.

Вспоминая тот день, Элласиф понимала, что ей следовало бы помнить и о другом, что объединяло всю эту сказочную любовь: все они были обречены.

Потом, когда они лежали, задыхаясь, на влажной соломе, Элласиф услышала далекий крик птицы, которую не смогла определить. Это была не ворона, но от пронзительного тенора ее голоса в животе у нее пробежала холодная тревога.

"Ты слышишь это?" - спросила она Ядрека.

Он склонил голову на одну сторону. "Что это?"

Элласиф не знала. "Наверное, просто позади него упал гусь..." Безымянный страх наполнил ее желудок льдом. Она чувствовала, что в деревне что-то не так, и теперь жалела, что не сказала Лив, куда шла. Она натянула на себя одежду, не обращая внимания на вопросы Ядрека, пока он тоже не оделся и не последовал за ней, пока она бежала обратно в деревню.

Белый Грач был пуст. Не осталось даже одинокого часового.

"Где все?" - спросил Ядрек.

Элласиф оббежала деревню по периметру. Увидев, что она делает, Ядрек сделал то же самое, побежав в противоположном направлении. Элласиф нашла следы и позвала его, все еще полагая, что он так же озадачен, как и она, - уловка, за которую она позже возненавидит его еще больше.

Следы вели прямо к реке. Тропинка была настолько широкой, что Элласиф знала, что все

взрослые и дети из Белого Грача шли вместе. В порыве уверенности она поняла, зачем они пошли.

"Лив", - простонала она, ее голос замирал в горле.

Она побежала по следам. Ядрек последовал за ней, призывая ее подождать и рассказать ему, что она делает. Своей длинной походкой он скоро нагнал ее, но не пытался остановить. Он знал, что так будет лучше.

По дороге им встретились жители деревни.

Они попятились назад к Белому Грачу, большинство из них устремили свои взгляды на землю в нескольких футах впереди. Только старейшины держали головы высоко, но их взгляд был устремлен на горизонт позади Элласиф. Даже они не могли смотреть ей в глаза.

Красная Охме стояла во весь рост среди вождей и трусов, ее осанка не изменилась с годами. В ее волосах сейчас было больше седины, чем рыжего, но в голубых глазах светилась сила, которая в молодые годы сделала ее героем Белого Грача. Ее одежда была пропитана водой от груди до пят, как и одежда двух сильных стариков.

При виде Элласиф взгляд Охме дрогнул. Она нахмурилась, но не отвернулась, как остальные.

"Что ты наделала?" - закричала Элласиф.

"Это было необходимо", - ответила Охме. Ее голос, такой сильный в схватке, надломился, когда она добавила: "Дочь моего сердца, ты знала, что этот день настанет. Мы не могли позволить ведьме жить среди нас".

"Она не сделала ничего плохого!"

"Однажды она бы сделала".

"Ты могла бы прогнать ее", - сказала Элласиф.

"И ты бы ушла с ней", - сказала Охме. "Ты слишком ценна для деревни. Мы не можем потерять тебя. Когда-нибудь ты должна занять мое место".

Элласиф пробежала мимо жителей деревни. Она следовала по их следам. Большинство из них остановились далеко от кромки воды, но четыре пары дошли до самого берега и вошли в воду. Вернулись только трое.

Элласиф побежала вдоль берега, зовя Лив. В весеннюю стужу река текла быстро. Ее глаза искали любой след сестры, но она не видела ничего, кроме воды.

Что было надето на Лив в то утро? Может быть, серый шерстяной халат? Его было бы трудно разглядеть под водой цвета железа. Почему она не надела желтый или белый?

Элласиф знала ответ на этот абсурдный вопрос: Потому что в тот день Лив проснулась с ожиданием, что жители ее деревни - ее соседи, ее родня - утопят ее. И она пошла с ними, вместо того чтобы бороться с неизбежным.

Слезы затуманили зрение Элласиф, но она продолжала бежать вдоль берега. Она слышала, как Оленька зовет ее по имени, но не хотела оборачиваться. Крики Оленьки становились все ближе и ближе, заглушая ее собственные крики о Лив. Рыжеволосая воительница схватила Элласиф

за плечо и развернула ее.

Увидев страдание на лице Оленьки, Элласиф замешкалась. Они были закадычными подругами с детства, и их соперничество за расположение Ядрека не могло этого изменить. Затем ужасное осознание поразило Элласиф до глубины души, это был ошеломляющий удар в тот день, когда она думала, что больше не сможет вынести никакой боли.

Она поняла, что Ядрек никогда не порывал с Оленькой. Все это было уловкой, чтобы отвлечь ее, пока остальные жители деревни убивали ее сестру. За все годы, что она хранила тайну Лив, Элласиф доверилась только одному человеку, позволив Оленьке взвалить на себя груз этого ужасного знания. И вот теперь подруга явно предала ее старейшинам деревни, рассказав им о тирен'кии.

"Вернись", - сказала Оленька. Она протянула руку.

Элласиф ударила женщину ногой по колену так сильно, что сломался сустав. Оленька зашипела от боли и упала, пытаясь сделать шаг назад. Элласиф выхватила меч и высоко подняла его.

"Сиф, не надо!" Ядрек бежал к ним, но он был слишком далеко, чтобы остановить ее. Ей достаточно было нанести один удар, и хотя бы один из ее предателей поплатился бы.

И все же Элласиф колебалась. В глубине ее сердца зарычало нечто более жестокое, чем все уловки, которые она когда-либо использовала в бою. Она держала меч в обеих руках, острие было в дюйме от горла Оленки, а взгляд ее был устремлен на Ядрека.

"Стой", - сказала она, и он повиновался. "Вернись, или я убью ее у тебя на глазах".

"Сиф..."

"Никогда не называй меня так!" - крикнула она.

Его рот шевельнулся, но он отступил, его глаза смотрели на лицо Элласиф до последнего момента, когда его взгляд упал на Оленьку, которая лежала, уставившись в небо, ожидая своей смерти. Он повернулся и побежал обратно к Белому Грачу.

Когда он скрылся из виду, Элласиф отошла и убрала меч в ножны. Оленька могла поползти до деревни, но с раненым коленом она не могла следовать за своим бывшим другом. Элласиф повернулась и побежала вдоль реки.

Она пробежала не более четверти мили, прежде чем увидела следы у реки. На мгновение она осмелилась надеяться, что Лив не только выжила после утопления, но и сохранила силы, чтобы вытащить себя на берег, но нет. По следам она поняла, что кто-то вытащил Лив из воды именно здесь. С севера приближались следы, не такие большие, как те, что оставил самый крупный из воинов Ульфена, но, вероятно, принадлежавшие скорее мужчине, чем женщине. Здесь он стоял на коленях возле валка мокрой травы, который мог быть только тем местом, где он вытащил Лив из воды.

Мог ли он оживить ее? Был ли он целителем? Это была слабая надежда, но для Элласиф она была подобна солнцу, выглянувшему из-за зимних туч.

Следы мужчины вернулись на прежнее место, только на этот раз они сопровождались неровными прорехами в ивее, которые Элласиф приняла за воду, капающую с халата Лив.

Она прошла по следу еще милю. Сколько времени прошло с тех пор, как они бросили Лив в реку? Почему Элласиф до сих пор не догнала мужчину, несущего женщину, одежда которой была вымочена в речной воде? Судя по следам, он был не слишком крупным. Элласиф уже должна была его заметить, но вскоре она нашла причину. Спаситель Лив что-то встретил на своем пути.

Следы новоприбывшего были когтистыми и в четыре раза больше, чем у человека, каждый из них оставлял в твердой весенней почве углубление глубиной в дюйм.

Это мог быть только тролль.

После мгновенного отчаяния Элласиф поняла, что крови нет. Она молилась, чтобы ее сестра была еще не съедена. Возможно, спаситель Лив вызвал чудовище, чтобы перенести ее в другое место - но, конечно, тот, кто мог вызвать тролля, вряд ли был деревенским лекарем.

Следы мужчины исчезли, и Элласиф догадалась, что монстр унес и его, или же у него было какое-то другое средство передвижения. Возможно, полет, если он был ведьмой, как Элласиф начала подозревать и даже надеяться. Как странно надеяться на ведьму, когда все ее сородичи были настроены на истребление ведьм, даже тех, кто родился в их собственной деревне.

Элласиф бежала по следам тролля. Если дело дойдет до драки, она знала, что не сравнится с таким чудовищем, даже без полдюжины воинов рядом с ней. Но она также знала, что скорее умрет, мстя за свою сестру, чем вернется просить о помощи.

Она шла весь день, бежала, когда могла, и плелась вдоль реки, когда не могла. Когда край солнца коснулся горизонта, она упала на землю. Она лежала там до тех пор, пока последний отраженный свет не испарился из западных облаков, а потом поднялась и пошла по следам при свете луны. Утреннее солнце растопило последние остатки весеннего мороза, когда Элласиф вошла в самую восточную часть леса Грангир и последовала по следу тролля внутрь.

Она почувствовала запах, прежде чем увидела это место. Приятный запах жарящейся плоти смешивался со зловонием открытой могилы. На сосновых кольях висели засохшие останки зарезанных трупов, каждый из которых представлял собой не более чем скелет и марлю из кожи, развевающуюся на ветру после того, как каннибалы собрали мясо. Жуткие тотемы образовывали широкое кольцо вокруг поляны.

Вокруг центрального очага стояли два массивных стола, каждый из которых был испачкан кровью и испещрен шрамами от ударов топора. Пара тощих троллей склонилась над котлом, висющим над огнем. Один из них заглянул внутрь, пренебрежительно чмокнул губами и ушел в западный лес в поисках свежей добычи. Другой ткнул длинной деревянной ложкой в котел, помешал один раз и закашлялся, после чего положил свою бесформенную голову на скрещенные руки. То, что лежало в сосуде, было непривлекательно даже для таких чудовищ.

Запах жареной плоти исходил от тесного скопления сосен, стоявших на дальнем краю поляны. Их стволы сходились в неровный овал, который не мог быть устроен случайно или по воле природы. Какой-то могущественный друид или ведьма выстроили их в такой ряд, образовав, по мнению Элласифа, огромный дом, больше, чем медоварня в Белом Граче. Стволы деревьев не имели ветвей до высоты примерно пятнадцати футов, когда ветви образовали непрерывный карниз по периметру. Земля под навесом была покрыта толстым слоем коры, собранной с других деревьев. Если бы не костяные ветряные колокольчики, свисающие с высоких ветвей, Элласиф могла бы подумать, что это дом друида или фейского существа.

Элласиф была уверена, что Лив находится в доме с соснами, но окон, через которые можно

было бы наблюдать за обитателями, не было. Она молилась, чтобы ее сестра была жива. От мысли, что Лив может быть источником ароматного запаха, исходящего из дома, у Элласиф заболел живот.

На стороне странного дома, ближайшей к костровой яме, в складке появился простой колокол. По обе стороны от него выпирали стволы деревьев, похожие на ушибленные губы, только начинающие зеленеть по краям. Элласиф никогда не была свидетелем более впечатляющего волшебства, чем интуиция ее собственной сестры, когда одна из деревенских девушек забеременела раньше, чем сама девушка узнала об этом, но она знала, что это волшебная дверь. Какой-то амулет или магическая фраза должны были открыть ее. Возможно, нужно было просто потянуть за колокольчик, но она не могла сделать даже этого, прежде чем разобраться с троллем, оставшимся у костра.

План, каким бы он ни был, пришел ей в голову в мгновение ока. Она быстро, как только могла, прокралась вокруг рощи, подтвердив свое первое впечатление, что в доме сосен нет очевидных входов. На северо-востоке земля понижалась в неглубокий овраг, который дальше к северу резко переходил в лощину. На краю насыпи высилась огромная, заросшая щетиной сосна, полый ствол которой служил идеальным укрытием. Элласиф подобрала с земли несколько прошлогодних шишек, каждая из которых была тяжелой, как камень. Она проскользнула назад, чтобы оказаться совсем рядом с рощей.

Она хрюкнула, как поросенок на корню.

Она остановилась, чтобы прислушаться, но не услышала ничего, кроме далекого пения птиц. Она повторила гортанное фырканье, добавив к нему хрюканье, похожее на кабанье.

Железный котел звякнул о камни костровой ямы, и она услышала первые тяжелые шаги тролля в ее сторону.

Элласиф побежала по лощине. Не было нужды останавливаться и прислушиваться, потому что шаги тролля барабанили по земле и стряхивали хвою с деревьев. Когда она достигла того места, где овраг спускался в расщелину с неровными краями, Элласиф издала еще одно громкое свиное хрюканье и бросила первую из сосновых шишек в десяти ярдах или около того впереди себя. Она нырнула внутрь ствола дерева.

Троль рухнул в овраг, приземлившись в нескольких футах от убежища Элласиф. Там он остановился, принюхиваясь к воздуху. Элласиф пожалела, что не искупалась перед тем, как прибегнуть к этой уловке, но не захотела нюхать себя. Затаив дыхание, она молча молилась Десне: Госпожа Удача, пожалуйста, пусть это глупое чудовище бежит дальше.

Так оно и поступило, сделав несколько неуверенных шагов по оврагу и остановившись, чтобы еще раз принюхаться. Элласиф знала, что оно должно было уловить ее запах. Она смотрела, как приземистая голова зверя поворачивается то влево, то вправо, обследуя окрестности. Она высунулась из своего укрытия, как только смогла, и бросила вторую сосновую шишку высоко над плечом тролля. Она опустила по идеальной дуге, едва не задев голую сосновую ветку, и с шумом упала в овраг впереди.

Троль бросился на звук, наклонившись вперед, чтобы бежать на четырех ногах. Что-то впереди выскочило из укрытия и побежало на север. На кабана это не походило, но тролля это уже не волновало. Чудовище пронеслось через лес, сбивая в сторону молодые деревья на своем безрассудном пути.

Элласиф побежала обратно к чародейской роще. Она ударила рукой по набухшей складке на

дереве. Она пнула его ногой. Она выхватила меч и вонзила острие в трещину. Она не думала, что эти грубые попытки увенчаются успехом, но нужно было попробовать что-то сделать, прежде чем прибегать к очевидному и глупому варианту. Она дернула за веревку колокольчика.

Через несколько секунд стволы сосен расступились, как распустившийся бутон. Лысеющий мужчина в лохмотьях приблизил свое лицо к ее лицу и улыбнулся. Его зубы были обточены до идеально треугольных точек, а изо рта шел прогорклый запах. Он что-то сказал сиплым голосом, но Элласиф смотрела мимо него. В его странном доме из живых сосен, прикрепленном к противоположной стене толстыми, похожими на пальцы ветвями, находилась Лив. Ее серое платье высохло на ней, и она беспомощно обвисла в хватке зачарованных деревянных оков, но ее стройная грудь шевелилась от дыхания.

Меч Элласиф был в ее руке, но прежде чем она успела поднять его, чтобы отделить голову колдуна от его тела, позади нее раздался голос. Точнее, не голос, а человекоподобный крик птицы. Вопреки здравому смыслу Элласиф повернулась, чтобы увидеть источник крика.

Огромный белый ворон сидел на краю одного из мясных столов. Элласиф моргнула. Это была не птица, а беловолосая женщина лет сорока или пятидесяти. Она была одета в белоснежное платье с бледно-голубыми браслетами на каждом запястье. Бронзовые диски, каждый из которых был украшен голубым драгоценным камнем, свисали с цепи, обвивавшей ее плечи. На бедре у нее висел тяжелый кинжал, обтянутый толстой синей кожей, а в руках она держала посох с вырезанной головой бородатого ульфенского воина в рогатой короне.

"Сестра", - сказала она тоном приятного удивления. Ее глаза были прикованы к лицу Элласиф, губы полуоткрылись в улыбке. Она подняла руку, и меч Элласиф внезапно оказался в руке женщины-ворона. Она любовалась клинком, словно узнавая его. "Элласиф Маритсдоттер".

"Ты вольно обращаешься с моим именем", - сказала Элласиф. Она старалась, чтобы ее удивление не отразилось на лице. Прежде чем она успела придумать, что еще дерзкого сказать, она почувствовала дыхание колдуна на своей шее и пнула его подошву. Когда он потянулся за ногой, она локтем разбила ему нос. Она схватила его за шею и бросила на землю перед ним.

"Госпожа", - простонал колдун, корчась на корявом полу. "Я схватил девушку, как ты велела".

Белая ведьма откинула голову назад. Ее смех был похож на звон раскалывающегося льда. "Так я вижу", - сказала она. "Ты жалок, Сзиго. Но сегодня ты послужил мне".

"Как послужил?" - потребовала Элласиф. "Кто ты? Чего ты хочешь?"

"Я - Марешка Зарумина", - сказала женщина. "И то, что я хочу, твое варварское племя отбросило. Твоя сестра теперь принадлежит мне".

"Нет", - твердо сказала Элласиф. Она услышала шепот Сзиго у своих ног и пнула его в живот, заглушив заклинание, которое он пытался произнести. "Отпусти мою сестру, и я отпущу твоего пса".

Марешка снова засмеялась. Несмотря на складки на лице, ее голос был молодым. Затем ее голубые глаза стали цвета инея, и она стукнула посохом о землю. Из ее бровей выросли толстые рога, а пустые глаза на голове посоха полыхнули белым светом. Элласиф сделал шаг к ней, но Марешка произнесла всего один слог, и Элласиф застыл на месте.

Тело Элласиф окутала ледяная оболочка. Она не могла пошевелить ни единым мускулом, и все звуки леса были приглушены, словно она была погружена в воду. Она все еще могла двигать глазами и смотрела, как Марешка гладит лысеющую голову Сзиго и ставит его рядом с собой. Колдун смотрел на Элласиф, облизывая губы, а его глаза гладили ее тело не с вожделением, а с голодом.

Ведьма что-то прошептала ему на ухо, и выражение лица колдуна сменилось от неминуемого удовлетворения до ужаса и боли.

"Но я голоден", - прохрипел Сзиго.

Единственным ответом Марешки был издевательский смех. Она подняла руку над головой, и краем глаза Элласиф увидела - или ей показалось, что увидела, - крыло огромной белой птицы. Она не могла повернуть голову, чтобы увидеть больше.

Элласиф почувствовала, как ее затягивает в холодную и бездыханную темноту. Она представила, что именно так чувствовала себя Лив, когда ее бросило в ледяные потоки реки. Разница, знала Элласиф, заключалась в том, что никто не придет ей на помощь. Она утонет в одиночестве.

Подписывайтесь и поддержите мой небольшой проект!

Вконтакте: <https://vk.com/ttrpgs>

Бусты: <https://boosty.to/ttrpgs>

Спасибо за внимание!

Перевод: Senar

Pathfinder Tales 02 - Зимняя Ведьма, Элейн Каннингем (2010)

Pathfinder Tales 02 - Winter Witch, Elaine Cunningham (2010)

<http://tl.rulate.ru/book/62477/1635572>